

Е40171

К-847

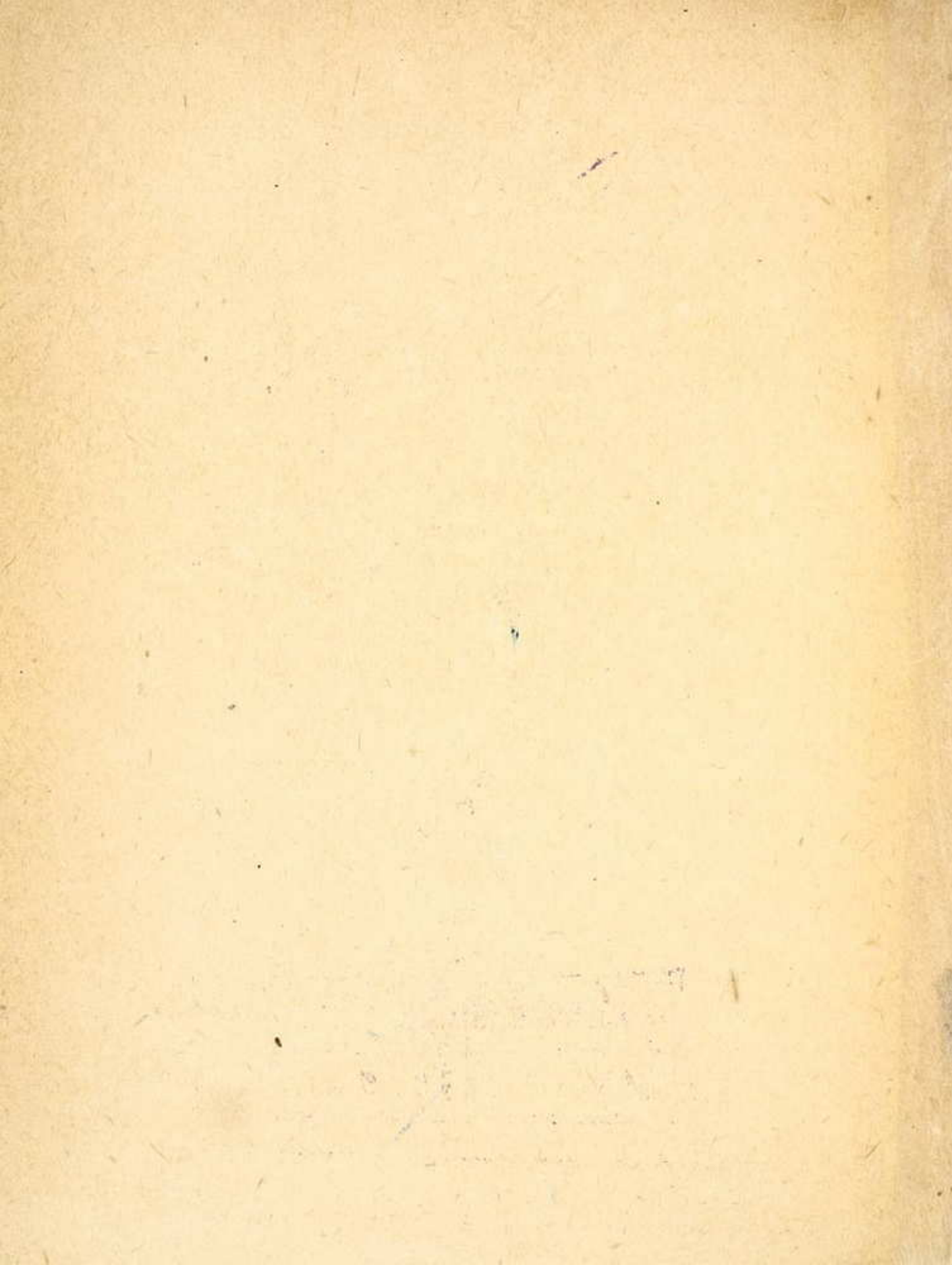
А. КРУЧЕНЫХ

ПРОДЕЛКИ ЕСЕНИСТОВ

ИЗДАНИЕ АВТОРА

МОСКВА 1296

А. КРУЧЕНЫХ

ПРОДЕЛКИ ЕСЕНИСТОВ

Оттиск из книги А. Крученых
„На борьбу с хулиганством
в литературе“

На обложке портрет Есенина
работы В. Калугиной

715 928

Главлит № 71481.

Тираж 500 экз.

Тип. изд-ва „Мотор“ Мосавтоклуба ПСТР, Б. Дмитровка, 13/8

Еще о борьбе с хулиганством.

(Письмо в редакцию).

Можно только приветствовать появление в „Правде“ (от 19 сентября с. г.) статьи Л. Сосновского: „Развенчайте хулиганство“. Несомненно, верна мысль о связи есенинского „литературного“ (якобы) хулиганства с подвигами бандитов Чубаровых переулков. Несомненно, нужна решительная борьба не только с насильниками, но и с их идеологами и певцами.

Плохо только одно: „у нас всегда так. Надо какому-нибудь злу проявиться в очень больших дозах, чтобы на него обратили внимание и им занялись серьезно“, — пишет тов. Сосновский и пишет особенно верно. Даже сам тов. Сосновский изволил обратить свое внимание на истинный смысл есенинской „лирики“ только теперь. До сих пор Сосновский искал упадочников от литературы в совершенно противоположном есенинщине лагере.

После этого естественной становится маленькая ошибка тов. Сосновского, утверждающего, что „уже вышел первый сборничек статей против есенинщины“... Не первый, тов. Сосновский. Оставляя в стороне ряд моих книжек, вышедших в свет сразу же после смерти С. Есенина и в самый разгар „кампании“ по причтению его к лику „великих национальных поэтов“ и классиков госиздатовской литературы, — книжек как раз решительно разоблачавших подлинное социально-литературное лицо самоубийцы, я позволю себе сослаться хотя бы на мою статью — „Псевдо-крестьянская поэзия“, написанную до смерти Есенина и появившуюся в мае этого года в сборнике Пролеткульта — „На путях искусства“. Там сказан-

ное тов. Сосновским в его последней статье изложено в нескольких строках, достаточно выразительных:

— „Да что вы, оглохли? Не слышите? А Госиздат и Воронский рады: как не поощрять кампанейского *) поэта. Скорее! На верже его! Елизаветинским шрифтом. Цена 1 рубль (т.-е. 1½ пуда муки). Лицом к деревне! К Европе!

„А еще удивляются, что в деревне хулиганство растет да множится, возглавляемое и руководимое кулаками. Еще бы... почитатели „национального поэта“ лозунги „в жизнь проводят“ (Стр. 154—5).

Не для обвинения тов. Сосновского в плагиате или замалчивании меня, первым выступившего против Есенина, я пишу это. Но для того, чтобы спросить, а не повинен ли и сам тов. Сосновский в том, что стихи хулиганов тиснению на верже Гизом предаются? До сих пор тов. Сосновским возбранялось только издание Гизом „Лефа“.

Я хотел бы констатировать, что „заумники. и „лефы“ до тов. Сосновского подняли борьбу с есенинщиной. Тов. же Сосновский только теперь пришел им на помощь. И на том спасибо. Лучше поздно, чем никогда.

А. Крученых.

*) Выше этого места мною цитируются строчки Есенина о „литературных вечерах“ в обществе бандитов и проституток.

Проделки есенистов.

В критической литературе о Есенине (мы говорим пока только о восторженной критике) наблюдается поразительный разноречивый. На страницах одного и того же журнала приходится встречать рядом с утверждением, что Есенин был прекрасным революционным поэтом, — утверждение, что Есенин был прекрасным поэтом, но, к сожалению, бесконечно далеким от революции. Во всяком случае, критики твердо уверены, что Есенин был прекрасным поэтом. Естественно, что всякое возражение, даже всякое сомнение, даже всякое — самое скромное — желание проверить это положение, вызывает бешеный отпор со стороны неумеренных поклонников Есенина и есенизма.

В скобках — несколько слов о том, что такое есенизм; это своего рода мирозерцание, легко укладывающееся в несколько лозунгов:

— Все, что писал и делал Есенин — хорошо.

— Розовые очки при рассмотрении жизни и поэзии Есенина совершенно обязательны.

— Сомневаться в абсолютной ценности каждого жеста Есенина — есть смертный грех.

— Шествуй за Есениным!

Вот, примерно, и все.

Одним из первых усомнившихся был я. Соответственная кара обрушилась на меня немедленно. Уже в первых рецензиях на мои книжки о Есенине — заскользила исподтишка хитренькая инсинуация, вначале робко закутанная в туман намеков и недоговоренностей и, чем дальше, тем более откровенно показывалась уже ничем не завуалированная клевета. Поклонники Есенина не стеснялись в средствах.

Меня упрекают в чрезмерной резкости тона. Не отрицаю, что толстожурнальная и безформенная каша приличности никогда не попадала в мои писания. Но полагаю, что моя резкость никогда не переходила за пределы литературы. Я никогда не стремился к тому, чтобы упо-

требить в той или иной статье максимальное количество ругательства. Не могу сказать того же про моих рецензентов и анти-критиков. Они решили, что если Крученых, мол, не особенно стесняется с есенистами, то с ним можно совершенно перестать стесняться: крой во всю, он выдержит!

И кроют.

„Ориентируясь дикими обложками на читателя—простака, просвещающегося через газетные киоски, автор к бульварной внешности книжки присоединил и бульварное содержание“ (В. Красильников. Вокруг Есенина, Книгоноша № 22).

Когда обвиняешь критика в бульварности, следует, хотя бы, попытаться это доказать. Но В. Красильникову некогда возиться с доказательствами—он доругивается:

„С каждым номером продукции оно (содержание моих книжек А. К.) становится все более развязной расправой поэта-заумника с умершим талантом: Если $1\frac{1}{2}$ (?) книги—„Есенин и Москва Кабацкая“ Крученых заполнил перепечаткой чужих рецензий и разрешил себе только робкую заметку о заумном языке, то в „Чорной тайне“ он безапелляционно заявляет „только... методом, как мы наметили в настоящей статье, можно об'яснить темные стороны творчества Есенина“... Не надо доверять надменному авторитету Крученых-Белинского он привел его... к выдумке двух новых заумностей: „Чор-человек“ и „тоскливец“.

Кстати о „зауми“. Возмутительно, конечно, что я в статье о „Кумире“ непочтительно употребляю привычные для меня заумные слова, но еще более возмутительно приводить мои собственные, и не так уж заумные стихи, приписывая их Есенину.

Так, в книжке „О Сергее Есенине“ (изд. „Огонек“) Анатолий Мариенгоф рассказывает о том, что Новицкому Есенин писал в письмах следующее:

Утомилась долго бегая
Моя вороха пеленок,
Слышит кто-то как цыпленок

Тонко, жалобно пицить
Пить—пить...

и т. д. При чем из текста нигде не видно, что стихи эти—не Есениным писаны. И не указано, что они—из моей поэмы „Пустынники“ изд. 1913 года!..

Красильникову кажется, что продажа моих книг у газетчиков кладет на них неизгладимую печать позора. Да и не ему одному это кажется: К. Локс в рецензии, помещенной в № 4 журнала „Печать и Революция“,—тоже укоризненно покачивает головой в сторону моих книг: „Продаются у газетчиков“. И по мнению обоих критиков оказывается, что книги, находящиеся в киосках, стремятся „поразить воображение бывших читателей „Нат Пинкертон“ и ориентируются на читателя-простака, просвещающегося через газетные киоски.

На месте издательств „Госиздат“ (как раз там печатается „Книгоноша“, „Печать и Революция“ и др.), „ЗИФ“ и проч., я бы обиделся: книги этих издательств мы видим постоянно в газетных-киосках. Повидимому, эти издательства полагали через них приблизить книгу к массовому читателю. А оказывается—они рассчитывали на простаков и поклонников „Ната Пинкертон“.

Мы намеренно дали такую длинную выписку из рецензии В. Красильникова: эта рецензия является блестящим примером голословности. Содержание моих книг, по мнению В. Красильникова—бульварно. Это с одной стороны. С другой стороны—половина книги представляет из себя выписки из „чужих рецензий“. Что же, стало быть эти рецензии бульварны?—Ах, помилуйте, как же можно, да ничегошеньки подобного: рецензии самые почтенные, и цитаты из них что ни на есть самые умнейшие, а вот тем не менее однако.. Вот такая путаница царит в умах некоторых рецензентов! Был еще один подобный случай: некий критик (из жур. „Новые Мир“), уверял, что я все свои мысли, попросту выражаясь, стянул у Троцкого. Дальше говорится, что Троцкий целиком прав, а я целиком не прав. Как это получилось,—одному Луначарскому

ведомо! Кстати еще: моя книга против Есенина („Драма Есенина“) появилась до статьи Троцкого!..

Критики и воспоминатели в подтасовке и искажении фактов перелезли всякий предел. Так, например, Ив. Грузинов в статье „Есенин“ („Сергей Александрович Есенин“ Воспоминания, Сборник ГИЗ. 1926) совершенно неверно освещает мою встречу с Есениным, ту самую, воспоминанием о которой осталась запись в моем альбоме:

— „Крученных перекрутил литературу“ и др.

Ив. Грузинов приписывает Есенину резкие слова по моему адресу, слова, которые при той встрече не были говорены и никогда в другое время мне их слышать не доводилось. Пусть это „сочинение“ останется на совести Ив. Грузинова.

Вообще, сборник „Сергей Александрович Есенин“ далеко не отличается точностью данных о жизни покойного поэта. В предисловии редакция обещает, что читатель в книге найдет строго проверенные факты—и обещание остается невыполненным. Напр., в одной только статье Старцева очевидцы описываемых им событий нашли около десятка фактических ошибок. В другом месте сборника „Чорный человек“ цитируется дважды не точно и т. д. и т. д. Надеемся, что впоследствии об этих ошибках будет доведено до сведения читателя: всякие воспоминания ценны, пока они не искажают фактов.

Критические замечания Валентины Дынник („Из литературы о Есенине Красная Новь“ № 6) о моих книгах не дают никакой почвы для размышлений и возражений: они очень кратки, очень голословны и, что самое важное, очень неубедительны—опять „книги хорошо продаются“, „непочтительный тон“ „смердяковщина“ и проч.

Подитоживая все, что говорят „критики о критике“, все, что касается моих книг о Есенине,—можно сказать только одно. Перед критикой стояла задача во что бы то ни стало и лютыми средствами возвеличить Есенина и обругать меня. Они считали свою цель достаточно почтенной, чтобы, по их мнению, она оправдывала

средства. Результат таков: Есенин похвален, я обруган, что и требовалось. Насколько обоснованы выводы, насколько точны выписки из моих книг — этим никто из критиков не интересовался!..

К счастью, в последнее время есенисты умолкают и раздаются здравые голоса.

Вот что пишет Карл Радек в статье „Бездомные Люди“ („Правда“ № 136 от 16 июня 1926):

„Есенин умер, ибо ему не для чего было жить. Он вышел из деревни, потерял с ней связь, но не пустил никаких корней в городе. Нельзя пускать корни в асфальт. А он в городе не знал ничего другого, кроме асфальта и кабака. Он пел, как поет птица. Связи с обществом у него не было, он пел не для него. Он пел потому, что ему хотелось радовать себя, ловить самок. И, когда, наконец, это ему надоело, он перестал петь“.

Так в июне месяце, на страницах руководящей газеты говорится несколько в другом освещении, но то же самое, что уже вскоре после смерти Есенина утверждал я в своих книгах „Гибель Есенина“, „Есенин и Москва Кабацкая“, „Черная тайна Есенина“ и др. — в тех самых книгах, которые подвергались единодушному „разносу“ со стороны ретивых есенистов.

И вот еще интересные строки из статьи тов. Радека: (там, где он упоминает о том, что после смерти Есенина многие писатели укоризненно кивали головами: — „смотрите, литература — нежный цветок“!) Карл Радек возражает этим укорителям: „Бросьте! С Есениным мы носились, как с настоящим сокровищем“!

Наконец, о „самоубийственных“ тенденциях стихов Есенина. Уже в первой книге о нем (в „Драме Есенина“), я указывал на опасность для молодых поэтов и писателей поддаваться влиянию Есенина. Ряд самоубийств молодых поэтов подтвердил мое мнение. И теперь многие, в том числе и Радек, признают, что „есенищина“ опасна для молодежи.

Приведем еще цитату из статьи И. Бобрышева: (в „Комсомольск. Правде“ от 10 июня 1926 г.):

„Есенинщина имеет место в среде тех, кто ушел из деревни и не пришел (или не дошел) к рабочему классу, в среде городской мелкобуржуазной молодежи, и в среде тех, кто не стоит в рядах строителей нового общества, а мечется без пути и дороги, не понимая „куда несет нас рок событий“.

Наконец-то признали, что Есенин, вместе со всеми своими подражателями, метался без пути и дороги!

Впрочем, конечно, многие еще путают и мечутся в своих суждениях о Есенине.

Так например, Лелевич в своей книге „Сергей Есенин“ (Гомельский Рабочий, 1926) возражает мне следующее:

„Очень характерно замечание Крученых — „не приходится скрывать, что „советские“ стихи Есенина — самые слабые и самые бедные из его стихов“. С этим утверждением невозможно согласиться. Правда, перейдя к новому этапу творчества, порвав со всем своим прошлым, Есенин не мог сразу достигнуть той согласованности, которая ранее была оставлена ему вскормившим его многовековым укладом и ранними — самыми сильными литературными влияниями. Но зато в этих стихах чувствуется полное преодоление растрепанной и неумеренной образности, имажинизма, поворот от имажинизма и цыганщины к простоте и ясности пушкинского стиха и народной поэзии“.

В доказательство своего мнения, Лелевич приводит отрывки из „Песни о Великом походе“. Меня эти отрывки ни в чем не убеждают. Они сделаны, конечно, несложно, но едва ли эта простота — высокого качества. С моей точки зрения, частушечные ритмы „Песни о Великом походе“ достаточно слабы, благодаря своей подражательности. Если уж говорить о народной поэзии, то подлинные частушки производят гораздо более сильное впечатление. Следует отметить к чести Лелевича: он

является одним из немногих, чьи возражения мне—вполне в границах литературности.

Да и возражений у него против моих взглядов почти нет. Он нередко приходит к тем же выводам, к которым пришел в свое время и я. Он указывает и на отрыв Есенина от своего класса и на „бесплотное томление по мирам иным“ и на целый ряд других недостатков есенинской поэзии.

Приведем теперь, в заключение, стихи памяти Есенина, в которых выдвигается ряд правильных суждений о жизни и творчестве Есенина. Я говорю о поэме Маяковского: „Сергею Есенину“.

Маяковский откровенно подчеркивает всю пагубность влияния Есенина на литературный молодежь:

Подражатели обрадовались:
бис!

Над собою
чуть не взвод
расправу учинил.

II в противоположность самому Есенину, который заключил свое творчество безнадежными строчками:

В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей—

Маяковский целиком стоит на точке зрения жизни, борьбы и строительства. Он заканчивает свою поэму такими словами:

В этой жизни
умереть не трудно
Сделать жизнь
значительно трудней!

И, зная, что жизнь сделать нелегко, Маяковский всем чувством поэта, решительно осуждает отказ от дела жизни.

На фоне похоронного нытья, поэма Маяковского выделяется своим независимым и здоровым отношением к гибели Есенина. Для меня несомненно, что во взгляде на Есенина, правы Жаров, Маяковский и я, а не хвалители и плакуны.

Уже теперь проскальзывающие в критике верные мысли, со временем должны укрепиться и стать общезначимыми. Задача тех, у кого по глазам не плавают розовый, или какого-либо другого цвета, туман—вывести исследование творчества Есенина из тупика восторженных пристрастий.

Я полагаю, что настоящая работа является напоминанием о необходимости этого пути!

А. Крученых.

Июль 1926 г.

P. S.

Теперь, когда, даже в резолюциях Пленума МК по вопросу о Комсомеле стоит буквально: „Борьба с упадочностью, есенинщиной“ и т. д., я могу лишь сожалеть, что мои „обвинители“ так долго шли в разрез со здравым смыслом и тем самым углубляли и заостряли то социальное зло, плоды которого нам приходится пожирать сейчас в виде буйного расцвета чубаровщины, разгильдяйства, всяческого хулиганства и упадочности.

Со своей стороны, я делал, что мог и что считал нужным для борьбы с этим злом. Зачинатели всегда гонимы.

Но рано или поздно—истина, выгнанная в дверь, влетит в окно!..

А. Крученых.

Москва, Октябрь 1926 года.

**От „хулиганства“ к революции или от хулиганства—
к чубаровщине.**

В свое время нас, поэтов футуристов, обвиняли в хулиганстве, правда, чисто литературного характера. Развенчание общепризнанных литбожков, борьба против засилья „красивых слов“ и любовных тем и, наконец, введение в лексику грубо звучащих звуко-сочетаний „дыр—бул—щыл“ и др. вот наши преступления.

Посетителям беззубых словоизвержений о „великом безликом“ и прочей мистической дребедени—мы, воспевавшие в простых и резких строках мощь растущих улиц, казались дебоширами и нарушителями общественной благопристойности. Но в наше время просто смешно вспоминать все эти исторические кликушества кисейных охранителей литературной невинности.

Наше дело сделано. Литература освобождена от цепей „традиций“ и мы спокойно идем по намеченному нами словесному пути.

Футуризм органически воспринял революцию и бодрая песня лефов сейчас звучит в унисон творческому темпу жизни.

Не то с имажинистами.

Типичные эпигоны—они восприняли от футуризма только метод—эпатаж—абсолютно не усвоив его революционного нутра. Отсюда—уход в самодовлеющие буйства, упоение матерщиной (к слову—никогда лефами не употреблявшейся, даже в качестве литературного приема), пафос хулиганства, романтика кабака и мордобитья.

„Хулиганство“ лефов—если только это слово может быть к нам с натяжкой применено—протест против застоя дореволюционной литературы.

Хулиганство имажинистов — самоцель, единственное содержание убогого творчества последышей.

Результат на лицо. Лефы стоят на передовых постах литературного отряда созидателей нового быта как в области поэзии, драматургии и режиссуры, так и в области общественной.

Лефы первые поднимают знамя борьбы против уродливых форм имажинистических литературных выступлений. Лефы развенчивают упадочную есенинщину в литературе и в быту.

Лефы борются с разгильдяйством, беспочвенностью и наплевательством (см. фельетоны Маяковского в „Правде“ и „Известиях“, пьесы Третьякова, мои книги и статьи против есенинщины и хулиганства, революционные постановки Терентьева).

А разухабистый имажинизм, в лице своих „столпов“ — Есенина, Мариенгофа, Грузинова и Шершеневича, или с треском уходит в самоубийство (Есенин), или, наконец, вовсе сходит со сцены, тихо разлагаясь в навозную жижу сюсюкающего снобизма и лирического самоковыряния.

Последыши, вроде Садофьева, Орешина и прочих бесчисленных переписывателей есенинских образцов окончательно добивают мертворожденную ублюдочную теорию „самодовлеющего образа“.

Имажинизм тихо и уныло скончался, оставив после себя неприятные следы разбитых носов и пивных бутылок, или выродился в откровенную идеологию поножевщины, чубаровщины и хулиганства.

Над первым — облегченный вздох и несколько взмахов метлы, против второго — уголовный кодекс и организация дружин по борьбе с хулиганством...

Вот короткий итог двух путей: лефов и имажинистов.

Революционный протест „лефов“, в свое время ошибочно принятый за „хулиганство“ близорукими критиками, привел к творческому расцвету на путях нового строительства.

Хулиганский дебош имажинизма — естественно окончился в петле самоубийцы и перед столом нарсуда.

О „началах“ суди по „концам“, по результатам, — таков непреложный исторический закон.

Цыплята любят, чтобы их считали по осени.

А. Крученых.

Книги А. Крученых

1925—26 г. г.

126. **А. Крученых.** — «Леф-агитки Маяковского, Асеева, Третьякова». М. 1925 г.
127. **Его же.** — «Заумный язык у Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова, Бабеля, Ар. Веселого». М. 1925 г.
128. **Его же.** — «Записная книжка Велемира Хлебникова». М. 1925 г.
129. **Его же.** — «Язык Ленина». М. 1925 г.
130. **Его же.** — «Фонетика театра». 2-е изд. М. 1925 г.
131. **Его же.** — «Против попов и отшельников». М. 1925 г.
132. **Его же.** — Ванька-Каин и Сонька Маникюрщица.
133. **Его же.** — Календарь.
134. **Его же.** — Драма Есенина.
- 134а. **Его же.** — Гибель Есенина (5-е изд.).
135. **Его же.** — Есенин и Москва Кабацкая (3-е изд.).
136. **Его же.** — Чорная тайна Есенина.
137. **Его же.** — Лики Есенина.
138. **Его же.** — Новый Есенин.
139. **Его же.** — Псевдо-крестьянская поэзия.
140. **Его же.** — На борьбу с хулиганством в литературе.